

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,
*заведующий кафедрой философии и истории
Санкт-Петербургской государственной академии
театрального искусства, кандидат философских наук, профессор*

ОБЩЕНИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Общение как фундаментальная философско-культурологическая категория сравнительно недавно стала предметом теоретического анализа. Однако за относительно короткий промежуток времени в исследовании этого феномена сделано очень много, и по-

стоянно выявляются новые аспекты проблемы, все отчетливее обнаруживается специфическое содержание общения, отличающее его от сходных с ним понятий: коммуникация, взаимодействие, воздействие, связь, контакт и др. Общение — это прежде всего субъект-

³ См.: Белогуров А. Ю. Указ. соч.

⁴ См.: Интеграционные процессы...

субъектное диалогическое отношение. Эта связь может быть бесконтактной (за исключением исполнительских искусств художник не знает реакции на произведение), более того, диалог может быть однонаправленным, как ни парадоксально это звучит (сигналы, посылаемые внеземным цивилизациям, безответны, но это диалог в потенции, в бесконечно долгой надежде на отклик). Субъектами общения в равной степени могут быть индивид, группа, социум, культура, все человечество (по отношению к инопланетным цивилизациям).

Может быть, никогда прежде эта проблема не была столь значимой, как в современной культуре, где актуализированы и функционируют в единой целостности неведомые прежде пласты культуры Большого Времени и Большого Пространства. Буквально на наших глазах прошлое из исторических памятников переходит в состав живой художественной культуры, планетарный масштаб обретают феномены региональных культур (массовый интерес к искусству Средневековья, к современной латиноамериканской литературе и др.). В этом процессе сложнейшим образом взаимосвязаны осознание художественно-эстетической суверенности, порой альтернативности явлений культуры и переживание некоего духовно-нравственного единства человечества (мы слышим «живой голос» другого человека).

В конце 1970-х годов на страницах журнала «Иностранная литература» возникла любопытная дискуссия, начатая в талантливой статье Т. П. Григорьевой о своеобразии культурных миров Запада и Востока. Разговор обрел неожиданную глубину и многомерность после публикации статьи замечательного историка-медиевиста А. Я. Гуревича с рассуждениями об особом мире средневековой культуры, понимание которого возможно только по его собственным законам. Надо знать эти законы, почувствовать атмосферу иного мира.

В современной культуре, к сожалению, пренебрежение этими обстоятельствами, кажется, стало нормой: самоотждествленность «других» миров, их границы просто не замечаются. Скажем, икону можно воспринимать через Магисса (локальный цвет, композиционное сходство), минуя ее литургическое содержание и жизненный смысл в бытии средневекового человека, либо относиться к ней как к музейному документу. То, что в режиссерских интерпретациях называют обычно оценочно-нейтральным словом «осовременивание», чаще всего пошло

и к культуре его трудно отнести. Современное прочтение — не изъятие произведения из его историко-культурного контекста, а обнаружение в нем смысла иного масштаба и глубины. Но непременно «в нем», в его не только текстуальном, но и экзистенциально-жизненном, нравственно-эстетическом единственном и неповторимом мире. Произведение должно говорить своим языком, а не языком воспринимающего.

Знание прошлого неотделимо от его переживания, связано со способностью к исторической эмпатии. Необходимо войти в этот мир, ощутить себя в нем и почувствовать его в себе. Выразительный смысл событий и фактов открывается только в единстве знания и переживания. Здесь художественное воображение оказывается инструментом исторического познания (проблема не новая — о ней писали В. Ключевский, М. Блок, А. Гулыга, М. Нечкина и др.). Не обладая развитым эстетическим чувством, нельзя быть хорошим историком.

В давней небольшой полемической статье «Анэстетизм и древнерусская литература» (Русская литература. 1963. № 1) Д. С. Лихачев не просто оспаривает тезис о невозможности эстетического восприятия древнерусской литературы, но убедительно доказывает, что неспособность воспринять древнерусские художественные тексты эстетически обесмысливает их историческое толкование. Такой историк, по сути, имеет дело не с тем фактом культуры, каковым он на самом деле является.

Речь идет не о дилетантском «вчувствовании», как раз характерном для бессодержательного глобально-нерасчлененного «любовного» отношения к древности, а о живом «общительном» отношении к историческому факту. Наверное, для этого нужно обладать особым талантом, но, несомненно, это личностное качество необходимо воспитывать.

Память истории предполагает не только знание ее фактов, но и родственно-эмоциональное переживание времени: «история конституируется человеческим общением», его «самыми сокровенными» формами — чувствами сыновними по отношению к прошлому, братскими — к настоящему и отцовскими — к будущему¹. От того, в какой степени это благое пожелание известного историка и философа станет фактом нашей биографии, зависит не только глубина исторических штудий, но и качество нашей сегодняшней жизни.

¹ См.: Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 22–26.